

УДК 94:321

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-183-194

ИМПЕРСКИЕ МОДЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОГО И ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА*

Бахлов И.В., Бахлова О.В.

Национальный исследовательский

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва

430005, Республика Мордовия, г. Саранск, Большевикская, 66,

Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются имперские модели национального и государственного строительства. Проведен их сравнительный анализ на примере национальных и колониальных империй. Выявлены общие и специфические характеристики, среди главных – стремление к универсальности, гегемонизму, доминирование одной (имперской) нации, проведение осознанной политики по эксплуатации зависимых территорий и ассимиляции их населения с постепенным переходом к попыткам интеграции местных элит и косвенным методам управления. Авторы приходят к выводу, что каждая из представленных моделей имела достаточно выраженную националистическую составляющую и при разных пространственных масштабах обладала акцентированным территориальным и этническим ядром, а также имела специфическое концептуально-идеологическое обоснование.

Ключевые слова: государственное строительство, империализм, колониальная империя, метрополия, национальная империя, национальное строительство.

IMPERIAL MODELS OF THE NATIONAL AND GOVERNMENT CONSTRUCTION

I. Bakhlov, O. Bakhlova

National Mordovian Research State University, named after N.P. Ogarev

66, Bolchevistskaja Street, Saransk, 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

Abstract. The article examines the imperial models of national and state construction. Their comparative analysis is carried out on the example of national and colonial empires. Common and specific characteristics have been identified, among them the desire for universality, hegemonism, the domination of one (imperial) nation, the realization of a conscious policy on exploitation of dependent territories and the assimilation of their populations, with a gradual transition to the attempts to integrate local elites and indirect methods of management. The authors come to the conclusion that each of the presented models had a rather pronounced nationalistic component, and at different spatial scales had an accented territorial and ethnic core. Besides, they had a specific conceptual and ideological justification.

Key words: state building, imperialism, colonial empire, metropolis, national empire, national construction.

Имперская идея и политика империализма имеют давнюю историю и самые различные воплощения – по форме и содержанию, и до сих пор они актуальны в теории и в практике. Попытки создания обширных пространственных образований с выраженной центрально-периферийной конструкцией, обоснования собственной универсальности и гегемонии были и остаются характерными в общественно-политическом дискурсе международной и мировой политики. Нередко прослеживается их присутствие и в сфере электоральной конкуренции и более широкого соперничества акторов внутривнутриполитического процесса. Формирующиеся при этом дискуссии отражают в том числе неоднозначность видения путей дальнейшего развития отдельных стран, мира в целом, места и роли государства в глобальном сообществе, понимания интересов, способов и методов их достижения, сущности и специфики взаимоотношений разных групп и субъектов во внутреннем и международном измерениях. В таком контексте зачастую наблюдается непосредственная или опосредованная связь с содержанием и динамикой нациестроительства, особенно в инструментальном ключе, с акцентированной этнической окраской, детерминированной политической целесообразностью.

Собственно идея национально-империализма проявилась уже в эпоху средневековья, в Священной Римской империи германской нации. Однако полномасштабно она утвердилась в трех империях – Австрийской, Германской и Французской Наполеона I и Наполеона III (I и II империи). Каждая из них при наличии

сходных или родственных моментов обладала оригинальными типологическими чертами. В данном ракурсе можно говорить также о выделении разновидности национальной империи, которой присуща некоторая специфика. Во-первых, это первоначальный или длительный отказ от всемирного гегемонизма; во-вторых, – возникновение на этой базе национальных государств. Здесь необходимо акцентировать то обстоятельство, что оформление национального государства находилось в идейной основе названных империй. Внешняя экспансия таких империй стимулировалась не сверхнациональной имперской идеей, а именно национальной. Речь шла уже не о реализации цивилизаторской миссии империи, как в прежние времена, а о внутрицивилизационном противоборстве [2, с. 61]. Национальные империи отличались ярко выраженным стремлением к обладанию статусом единственной, общецивилизационной империи, что повышало уровень их конкуренции и конфликтный потенциал взаимодействия.

Прежде всего обратимся к австрийской и германской моделям имперского национального и государственного строительства, территориальной площадкой которого и в первом, и во втором случаях служило пространство Священной Римской империи. Будучи тесно взаимосвязанными, они постепенно превратились в альтернативные по отношению друг к другу. Германский вариант национальной империи в сравнении с австрийским характеризуется несколькими существенными особенностями. Австрийская имперская модель подверглась внутренней дифференциации – дезинтеграции и

представляла собой нисходящую линию в развитии имперской системы. Германская, напротив, – восходящей, от частного (Пруссии) эволюционировала к общему – обширному образованию с участием основных частей бывшей Священной Римской империи и Германского союза. На их развалинах в бурных спорах родилось идеологическое обоснование Второго рейха – Германской империи. Легитимный путь объединения под эгидой Австрии как правопреемницы имперской идеи оказался практически невозможным после создания Австрийской империи, хотя достаточно долго Австрия продолжала апеллировать к своему историческому, традиционному лидерству, по сути, предлагая реконструкцию прошлого порядка. Пруссия же опиралась на более осязаемые материально и воспринимавшиеся как прогрессивные на тот момент лозунги и ценности.

Борьба двух направлений – великогерманского (под эгидой Австрии) и малогерманского (под эгидой Пруссии) – отразилась в ряде концепций: 1) национал-германской, представители которой (Я. Гискра и др.) выступали за создание сложного государства, охватывающего Германию и немецкие земли Австрийской империи, т. е. имперской системы, основанной на немецкой национальной идее; 2) конфедеративной; ее главный идеолог – Ю. Фребель – отстаивал идею образования конфедеративного союза, где субъектами могли быть и национальные образования народов, населявших Австрийскую империю, и германские государства, – Германия, Австрия, Польша, Венгрия, Чехия и др.; 3) реакционной (граф Дейм), допускавшей фактическое восстановление Священ-

ной Римской империи при гегемонии Австрии во главе с домом Габсбургов; 4) дуалистической, предполагавшей союз двух равноправных составных частей – Австрии и объединенной Германии [5, с. 68–69].

Начало гегемонии Пруссии в германских землях было положено в 1834 г. созданием Таможенного союза. Ее экономическое преобладание было дополнено политическим – заключением в 1849 г. Прусской унии. Несмотря на то, что уния под давлением Австрии и поддерживавшей ее России была распущена, в 1850 г. окончательно определилась магистральная линия германского объединения – учреждение имперской системы на германской национальной основе под эгидой сильнейшего государства – Пруссии, без участия Австрии. Немецкий элемент, главным образом, польский, был в ней гораздо более германизированным в силу доминирования немецкой нации.

Австро-прусская война 1866 г. означала распад Германского союза. Принятая в 1867 г. конституция нового объединения – Северогерманского союза – закрепила политико-территориальную основу новой имперской системы. Поражение во франко-прусской войне 1870–1871 гг. Французской империи способствовало появлению новой империи–гегемона в рамках Романо-германской цивилизации – Германской, официально провозглашенной 18 января 1871 г.

Германская империя, как и Австрия, была федеративной империей, базировавшейся на монархическом принципе. Но ее можно рассматривать не как формальное, а как фактическое воплощение Священной Римской им-

перии. Причем, если Австрийская империя выступала преемницей поздней империи, то Германская – скорее ранней империи, Оттоновской. Отсюда, на наш взгляд, традиционная агрессивность ее имперской политики.

Австрийский вариант – пример неэффективной федерации, образованной сверху, путем наделения самостоятельностью частей ранее жестко централизованного государства. Германский путь продемонстрировал большую эффективность, изначально предполагая сохранение относительной самостоятельности отдельных земель. Показательный для него с точки зрения национального и государственного строительства момент – превращение в ядро объединения германской нации, доминирующей в политическом, культурном и количественном отношении, что в том числе позволило обеспечить государственное целое даже после распада империи. В Австрии же при политическом доминировании австро-немецкой нации не сложилось ее количественного преобладания, поэтому распад империи повлек за собой сохранение австрийской государственности лишь в пределах бывшего национального ядра империи. Следует также учесть, что если в Цислейтании предпринимались некоторые шаги к федерализации, то в Транслейтании присутствовали этноязыковой шовинизм мадьяр и подавление других этносов этой части империи [11, с. 69–70].

Следующий вариант национальной империи – Французская империя Наполеонов (I и II империи). Она отличалась от Австрийской и Германской империй в первую очередь идеологическим обоснованием. Если империи,

созданные австронемцами и германцами, заявляли о преемственности со Священной Римской империей, то Наполеоновская империя декларировала себя как преемница Франкской империи Карла Великого. Замысел Наполеона I – Великая империя, границы которой простирались бы от Балтики до Черного моря. Сама империя пропагандировалась как семья европейских народов, организованная по образцу «американского конгресса или судебной палаты греческих амфикистий» [13, с. 572–573].

Империя функционировала как система вассальных государств, политических и династических союзов. Однако попытка объединения Европы под эгидой Франции на конфедеративной основе и совокупности устаревших вассально-ленных отношений ускорила движение европейских стран в сторону национализма. О подобной тенденции рассуждал Н.Я. Данилевский: «Толчок, который довел национальный вопрос до сознания европейских народов, дан был Наполеоном I... от победы к победе дошел он до восстановления империи Карла Великого. Но через 1000 лет после Карла народы, входившие в состав его монархии, уже вполне обособились в национальные группы... вместо нового объединения народов Европы предприятия Наполеона могли только заставить их сильнее почувствовать свои национальные различия и свои национальные сродства» [7, с. 209–210]. Е.В. Тарле, оценивая результаты политики Наполеона, полагал, что тот «поставил перед собой абсолютно неосуществимую задачу уничтожения политической самостоятельности всех держав континента с превращением населе-

ния Европы в колониальных данников крупной французской буржуазии» [14, с. 5]. Немалую роль в этом сыграла и имперская идеология, составными элементами которой были возведенное в ранг государственной политики недоверие к иностранцам, презрение к политически «отсталым» соседям, откровенное стремление к аннексиям и другим формам внешней экспансии [9, с. 105].

Как в Австрии и Германии, во Французской империи проводилась в жизнь идея доминирования имперской (французской) нации. Но такое доминирование присутствовало исключительно в военно-политической сфере и не подкреплялось иными связями. В Германии же оно поддерживалось национальным единством, а в Австрии – общим историческим развитием.

Восстановленная Французская империя (II империя) Наполеона III (1852–1870) была лишь слабым подобием I-й. Ее претензии на мировую гегемонию ввиду жесткой конкуренции и военной слабости Франции оказались нереализованными и ускорили логический конец империи.

С ликвидацией Французской, Австро-Венгерской и Германской (с учетом также III Рейха) империй прекратилась линия «священного» империализма, восходящая к идее Римской империи и восстановления имперского территориального комплекса в рамках западноевропейской цивилизации. Победила линия экономического (буржуазного) империализма. Ее принципиально новые сущностные характеристики – надконтинентальность (выход за границы европейско-ближневосточно-североафриканского пространства как традиционной

сферы влияния европейской цивилизации), равнодушие к прежним имперским ценностям, преобразование форм и методов экспансии. Воплотилась она в типе колониальной империи.

Просматриваются две модификации колониальных империй. При этом их общая черта – разрушение фундамента империй вследствие сегрегации, игнорирования неевропейских элит, их отчуждение, неспособности имперских властей сохранить лояльность и белых колонистов, и местного образованного класса, что стало питательной средой идеологии национализма и деколонизации [12, с. 425].

Первая модификация отсылает нас к более ранним Португальской и Испанской империям, активно применявшим военно-политические методы захвата территорий и жесткого централизованного управления. Создание на захваченных землях вице-королевств и поддержка феодальных институтов приводили, с одной стороны, к насильственному насаждению чуждых местному населению элементов, с другой – к искусственной консервации имперских систем.

Португальцы в своих заморских владениях на официальном уровне широко практиковали обращение в католичество и формально давали всем католикам равные права. Однако феодальный менталитет в реальности обусловил подразделение населения Португальской Индии на множество социальных страт в зависимости от длительности проживания, доли европейской крови и иных факторов [10, с. 281–284]. Особый конструкт – Бразильская империя (1822–1889 гг.). Образованная на обломках бывшей

метрополии, она стала выражением внутреннего кризиса Португалии. Бразильскую империю можно интерпретировать как попытку бывшей колонии скопировать организацию метрополии. Попытками такого же рода были Мексиканские империи А. Итурбиде (1822–1823 гг.) и Максимилиана Габсбурга (1864–1867 гг.).

Примеры иной организации колониальной системы – Британская и Французская колониальные империи. Сходство между ними заключалось в постепенном отказе от политики прямого захвата территорий и акценте на экономических методах управления с одновременным силовым подавлением любых проявлений недовольства метрополий.

Британская колониальная империя прошла несколько этапов в своем развитии. Первоначально, в XVI–XVIII вв., она мало чем отличалась от Испанской или Португальской империй и была основана на непосредственной эксплуатации колоний метрополией. Под влиянием «Американской революции» и индийских восстаний политика управления колониями подверглась трансформации, в частности, была ликвидирована Ост-Индская компания и создано министерство по делам Индии, превратившейся в составную часть империи.

Во второй половине XIX в. сложилась новая концепция Британской империи, с главной идеей ее укрепления и дальнейшего расширения. Ее лейтмотив – продвижение политических, экономических, военных, идеологических форм и методов подчинения «отставших в своем социально-экономическом развитии» народов, ориентированное на формирование

благоприятных условий для предпринимательской деятельности представителей метрополии. В целом расширение империи мыслилось правящей элитой как магистральный путь консервации экономического, военного и политического господства Британии в мире в ситуации утраты промышленной монополии и появления сильных конкурентов. В 1895 г. лорд Розбери сформулировал концепцию либерального империализма. Ее важнейшие принципы – сохранение империи, открытие новых земель для эмиграции, подавление работорговли, развитие миссионерского движения и коммерции [16, с. 5, 43]. Основной тезис колониальной идеологии Британской империи – утверждение о превосходстве английской цивилизации, праве и обязанности англичан вести «отставшие народы» к прогрессу. При этом, как отмечает Н.В. Дронова, большое влияние на имперскую мысль и практику колониального строительства оказала философия английского классического либерализма, в частности, побудив власти заниматься колониальным реформаторством [8, с. 174].

Система управления британскими зависимыми территориями была построена на привлечении местных элит к занятию должностей низшего административного звена с одновременным их воспитанием по английской модели. Так, еще в 1835 г. в Индии была проведена реформа образования, направленная на подготовку кадров колониальной администрации из числа индийцев [4, с. 29]. Однако, как справедливо считает Л.Б. Алаев, попытки на официальном уровне создания европеизированной туземной элиты и ее слияния с имперским народом были

неудачными. Во-первых, даже внешняя европеизация туземной интеллигенции не делала ее английской по духу, и именно среди англоязычной интеллигенции возникли сначала идеи духовного национального возрождения, а затем и освобождения от колониальной власти. Во-вторых, на бытовом уровне британский снобизм и расизм отталкивали ее и не позволяли влить туземную элиту в имперский народ [1, с. 152–153]. Параллельно с прямым управлением из центра сохранялись вассальные княжества с собственным управлением (например, Федерация малайских султанатов). Не был забыт и опыт Ост-Индской компании по колонизации Индии – была учреждена Британская Южно-Африканская компания во главе с С. Родсом, получившая хартию на право управлять приобретенными территориями [6, с. 252–259].

В 1931 г. был принят Вестминстерский статут, предполагавший создание Британского Содружества наций. Им были изменены структура и правовой характер отношений между метрополией и зависимыми территориями. Дальнейшее его преобразование в Содружество наций под эгидой Великобритании в 1947 г. в контексте деколонизации было формальным свидетельством начала ликвидации колониальной империи, фактически свидетельствуя о ее трансформации в имперскую систему неоколониального типа. Она базировалась на отношениях косвенной, прежде всего экономической, зависимости от бывшей метрополии.

Высшим правовым статусом среди составных частей Британской империи, не считая Соединенное Королев-

ство, обладали доминионы. Однако политически его значение неоднозначно, как и характер внутренних коммуникаций в Содружестве. Так, с точки зрения Р. Палм Датта, британские доминионы – скорее колонии в староримском смысле [15, с. 51]. У Черчилль высказывал мнение, что «...самоуправляемые доминионы связывает с метрополией и друг с другом только лишь золотой обод короны и их собственное решение оставаться равными партнерами в Содружестве» [19, с. 535–536].

Приступая к сравнительному анализу опыта колониальных империй Великобритании и Франции, на протяжении многих столетий оспаривавших верховенство в этой сфере, выявим специфику применявшихся ими систем и механизмов управления. Если в Британской империи допускалось сохранение колонизаторами традиционных местных институтов и их использование в своих интересах и под своим контролем, то во Французской колониальной империи предпочтение отдавалось прямому управлению, которое осуществлялось назначаемыми чиновниками, преимущественно представителями метрополии.

Еще одна особенность французской модели – в динамике колониальной империи. Британская империя развивалась поступательно, ее эволюция проходила без каких-либо серьезных потрясений (исключая отпадение североамериканских колоний), тогда как Франция несколько раз лишалась практически всех колоний и начинала строить империю заново. Можно говорить о существовании I-й (XV/XVI вв. – 1815 г.) и II-й (1815–1946 гг.) колониальных империй Франции, причем

I-я империя строилась по испанскому варианту. Расцвет французского колониализма пришелся на конец XIX – начало XX вв., когда сформировались основные институты и методы колониального управления.

Концептуальные основы имперской политики были заложены в эпоху I-й колониальной империи Франции. Колонии рассматривались как ее заморские провинции. После установления республики возобладала меркантильная линия, с приоритетностью экономических методов эксплуатации. По мнению П.П. Черкасова, решительный отказ от нее произошел при Наполеоне III. Империализм в понимании последнего французского императора – политическая и военная экспансия, установление французского суверенитета вне Европы для увеличения влияния Франции, императорской династии, католицизма [18, с. 31].

В созданной в 1922 г. (с 1926 г. – государственной) Академии колониальных наук были разработаны две концепции колониальной политики. Первая – концепция «ассоциации». Она предусматривала четкое разграничение интересов колоний и метрополии. Колонии были призваны служить исключительно источником сырья и продовольствия для метрополии. Вторая – концепция «ассимиляции». Она предполагала «европеизацию» колоний, что должно было обеспечить фактическую интеграцию заморских владений в рамках Французского Союза [18, с. 54]. Подчеркнем, что обе концепции по своей сути были шовинистическими и «франкоцентричными», поскольку местный компонент не воспринимался как самостоятельный в процессе нацистроительства. Даже

названия обеих групп колоний «Заморской Франции» («поселенческие территории» и «эксплуатируемые колонии») могут восприниматься как доказательство грубого пренебрежения им.

Сначала верх одержала концепция «ассимиляции». На фоне ускорявшейся деколонизации, подобно Великобритании, Франция была вынуждена провести кардинальную перестройку своей колониальной империи. Принятая в 1946 г. Конституция IV Республики учредила новую форму – Французский Союз. Общая схема Союза была далека от органического единства: она состояла из трех основных компонентов с определенными особенностями. В отношении каждой из групп заморских владений (кроме неподпечных территорий) проводилась особая политика. В заморских департаментах главным ориентиром выступала полная ассимиляция. Заморские территории получали относительную автономию, ограниченную губернатором или комиссаром от метрополии. Присоединившиеся государства располагали политической и административной автономией и имели собственные правительства и представительные органы, однако договоры, связывавшие с Францией, ограничивали сферу их компетенции [17, с. 59].

Вместе с тем дальнейшая трансформация проходила в русле отказа от политики «ассимиляции» – в направлении к федерализации. Рамочный закон 1956 г. наметил реформу колониального управления: учреждение правительственных советов в заморских территориях; разделение служб колониальной администрации на государственные и территориальные; расширение полно-

мочий территориальных ассамблей; привлечение местной элиты [20, с. 81–82]. Принятая в 1958 г. Конституция V Республики содержала положение о создании Французского Сообщества. Зависимым территориям предлагался выбор одного из трех статусов: 1) заморского департамента (его выбрали «старые колонии» – Мартиника, Гваделупа, Гвиана и Реюньон); 2) заморской территории с административной автономией и представительством в парламенте метрополии (Французская Полинезия, Новая Каледония и др.); 3) государства-члена Сообщества (Мадагаскар и другие африканские территории). Общие органы Сообщества – Президент, Сенат, Исполнительный Совет и Арбитражный Суд – имели во многом виртуальный характер. Сообщество, по определению П.П. Черкасова, стало «видоизмененной формой колониальной империи на стадии ее прогрессирующего разложения» [17, с. 227].

Уже в 1960 г. институциональная концепция Сообщества была заменена новой – договорной, что обусловило переход от государственно-правового объединения к международно-правовому. Конституционный закон 1960 г. закрепил «обновленное Сообщество», Сообщество независимых государств, т. е. конфедеративную модель отношений, напоминавшую Британское Содружество. Окончание Алжирской войны в 1962 г. завершило катастрофу империи. Ф. Бродель критически замечал: «...Франция долгое время являлась «монстром», «целым континентом», сверхкрупным государством, ее политическое пространство, непомерно обширное, словно целая империя, объединяло регионы, лишь с трудом

удерживаемые вместе...», «с распадом колониальной империи Франция утратила свое сверхпространство» [3, с. 100, 271].

Обобщая опыт создания и эволюции национальных и колониальных империй, можно утверждать, что политика колониализма, будучи следствием в том числе внутренних процессов, весьма существенно повлияла на современное состояние границ большинства государств мира, определив пространственные пределы нацистроительства и его движущие силы. При этом не следует забывать о ее негативной составляющей – подавлении, эксплуатации, шовинизме и пр. «Бремя империи» неоднократно сказывалось в ходе исторического развития стран, стремившихся выполнять соответствующие роль и миссию, породив множество проблем как для метрополий, так и для бывших колоний, включая комплексы и стереотипы, сохранение рудиментов имперского сознания (как у Великобритании, например) или попытки самоутверждения США в качестве единственной империи на данный момент. Каждая из имперских моделей выстраивалась и функционировала в неодинаковых масштабах и на разных уровнях. Однако любая из них имела достаточно четко определенное, сформировавшееся территориальное ядро. В этом качестве выступала некая политическая единица, обладавшая довольно значительным статусом, но желавшая его усилить (герцогство Австрия, королевство Пруссия, Английское королевство / Великобритания и др.) и утвердить свои ценности и символы в гораздо большей или чаще всего – в превосходной степени. Политика колониальных империй отлича-

лась нараставшим экспансионизмом, нередко приводившим к краху, однако их практика и результаты деятельности во многом создали базу для конституирования мировой (глобальной)

империи, вышедшей далеко за пределы государственно-территориального образования.

Статья поступила в редакцию 02.04.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Алаев Л.Б. Империя: феномен или этап развития? // Вопросы истории. 2000. № 4–5. С. 148–156.
2. Бахлов И.В., Бахлова О.В. От империи Габсбургов к Австро-Венгрии: соотношение тенденций унитаризации и федерализации // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2016. № 2. С. 57–67.
3. Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 1. Пространство и история. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. 405 с.
4. Васильев Л.С. История Востока. Т. 2. М.: Высшая школа, 1994. 495 с.
5. Галкин И.С. Создание Германской империи (1815–1871 гг.). М.: Высшая школа, 1986. 175 с.
6. Давидсон А. Сесил Родс: Строитель империи. М. – Смоленск: Олимп-Русич, 1998. 448 с.
7. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.
8. Дронова Н.В. Люди и идеи: Судьбы Британской империи в оценке современников (70-е гг. XIX века). Тамбов: ТГУ, 1998. 180 с.
9. Европейские революции 1848 г.: «принцип национальности» в политике и идеологии. М.: Индрик, 2001. 456 с.
10. Империя нового времени: типология и эволюция (XV–XX вв.): Вторые Петербургские Кареевские чтения по новистике. Санкт-Петербург, 22–25 апреля 1997 г. СПб.: СПбГУ, 1999. 438 с.
11. Медоваров М.В. Кризис Австро-Венгрии и русская консервативная мысль накануне Первой мировой войны // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 69–77.
12. Мирзаханов В.С., Ковалев М.В. Европейцы и русские в колониях и на имперских окраинах: к вопросу о коммуникативных практиках // Преподаватель XXI век. 2016. № 4. С. 417–427.
13. Миронов В.Б. Народы и личности в истории. Очерки по истории русской и мировой культур: в 3-х т. Т. 2. М.: Звонница-МГ, 2000. 720 с.
14. Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. Избранные произведения. Речи. М.: Эксмо, 2003. 800 с.
15. Палм Датт Р. Кризис Британии и Британской империи. М.: Изд-во иностранной лит. 1959. 739 с.
16. Парфенов И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века (движущие силы, формы и методы). М.: Наука, 1991. 190 с.
17. Черкасов П.П. Распад колониальной империи Франции. Кризис французской колониальной политики в 1939–1985 гг. М.: Наука, 1985. 326 с.
18. Черкасов П.П. Судьба империи. Очерк колониальной экспансии Франции в XVI–XX вв. М.: Наука, 1983. 184 с.
19. Черчилль У. Мировой кризис. Автобиография. Речи. М.: Эксмо, 2003. 768 с.
20. Энтин Л.М. Крушение империи. М.: Международные отношения, 1965. 200 с.

REFERENCES

1. Alaev L.B. [Empire: the phenomenon or a stage of development?]. In: *Voprosy istorii*, 2000, no. 4–5, pp. 148–156.
2. Bakhlov I.V., Bakhlova O.V. [From the Habsburg Empire to Austria-Hungary: the ratio of the trends of unitarization and federalization]. In: *Gumanitarii: aktual'nye problemy nauki i obrazovaniya*, 2016, no. 2, pp. 57–67.
3. Brodel' F. Chto takoe Frantsiya? Kn. 1. Prostranstvo i istoriya [What is France? Book 1. Space and history]. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovih Publ., 1994. 405 p.
4. Vasil'ev L.S. Istoriya Vostoka. T. 2 [The History of the East. Vol. 2]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1994. 495 p.
5. Galkin I.S. Sozdanie Germanskoi imperii (1815–1871 gg.) [The creation of the German Empire (1815–1871)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1986. 175 p.
6. Davidson A. Sesil Rods: Stroitel' imperii [Cecil Rhodes: Empire Builder]. Moscow-Smolensk, Olimp-Rusich Publ., 1998. 448 p.
7. Danilevskii N.YA. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 574 p.
8. Dronova N.V. Lyudi i idei: Sud'by Britanskoi imperii v otsenke sovremennikov (70-e gg. XIX veka) [People and ideas: the Fate of the British Empire in the estimation of its contemporaries (the 70-ies of the XIX century)]. Tambov, TGU Publ., 1998. 180 p.
9. Evropeiskie revolyutsii 1848 g.: «printsip natsional'nosti» v politike i ideologii [The European revolution of 1848: the "principle of nationality" in politics and ideology]. Moscow, Indrik Publ., 2001. 456 p.
10. Imperiya novogo vremeni: tipologiya i evolyutsiya (XV–XX vv.). In: *Vtorye Peterburgskie Kareevskie chteniya po novistike. Sankt-Peterburg, 22–25 aprelya 1997 g.* [Empire of the new time: typology and evolution (XV–XX centuries): the Second St. Petersburg Kireevskie readings on new times studyings. Saint-Petersburg, 22–25 April 1997]. Saint-Petersburg, 22–25 April 1997. SPb., SPbGU Publ., 1999. 438 p.
11. Medovarov M.V. [The crisis of the Austro-Hungarian and Russian conservative thought before the First World War]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2015, no. 1, pp. 69–77.
12. Mirzekhanov V.S., Kovalev M.V. [The Europeans and Russians in the colonies and in Imperial Borderlands: the question of communicative practices]. In: *Prepodavatel' XXI vek*, 2016, no. 4, pp. 417–427.
13. Mironov V.B. Narody i lichnosti v istorii. Ocherki po istorii russkoi i mirovoi kul'tur: v 3-kh t. T. 2 [Nations and individuals in history. Essays on the history of the Russian and world cultures: in 3 v. Vol. 2]. Moscow, Zvonitsa-MG Publ., 2000. 720 p.
14. Napoleon Bonapart. O voennom iskusstve. Izbrannye proizvedeniya. Rechi [Napoleon Bonaparte. On the art of war. Selected works. Speech]. Moscow, Eksmo Publ., 2003. 800 p.
15. Palm Datt R. Krizis Britanii i Britanskoi imperii [The crisis of Britain and the British Empire]. Moscow, Izd-vo inostrannoi lit Publ., 1959. 739 p.
16. Parfenov I.D. Kolonial'naya ekspansiya Velikobritanii v poslednei treti XIX veka (dvizhushchie sily, formy i metody) [The colonial expansion of Great Britain in the last third of the nineteenth century (driving forces, forms and methods)]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 190 p.
17. Cherkasov P.P. Raspad kolonial'noi imperii Frantsii. Krizis frantsuzskoi kolonial'noi politiki v 1939–1985 gg. [The disintegration of the French colonial policy in 1939–1985]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 326 p.
18. Cherkasov P.P. Sud'ba imperii. Ocherk kolonial'noi ekspansii Frantsii v XVI–XX vv. [The fate of the Empire. Essay on the colonial expansion of France in the XVI–XX centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 184 p.

19. Churchill' U. Mirovoi krizis. Avtobiografiya. Rechi [The global crisis. Autobiography. Speech]. Moscow, Eksmo Publ., 2003. 768 p.
20. Entin L.M. Krushenie imperii [The collapse of the Empire]. Moscow, MezhdunarodnyeotnosheniyaPubl., 1965. 200 p.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Пространственное развитие России как фактор нациестроительства и формирования национальной идеи» № 18-011-00364 А.

ACKNOWLEDGMENTS

The study was performed with financial support RFFR, research project "Spatial development of Russia as a factor of nation-building and formation of national idea" no. 18-011-00364 A.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бахлов Игорь Владимирович – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева;
e-mail: bahlov@mail.ru

Бахлова Ольга Владимировна – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева;
e-mail: olga.bahlova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Igor V. Bakhlov – Dr. Sc. (Polit.), associate professor, Head of the Department of General history of General history, political science and area studies, National Mordovian Research State University, named after N.P. Ogarev;
e-mail:bahlov@mail.ru

Olga V. Bakhlova – Dr. Sc. (Polit.), docent, Professor of the Department of General history, political science and area studies, National Mordovian Research State University, named after N.P. Ogarev;
e-mail: olga.bahlova@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бахлов И.В., Бахлова О.В. Имперские модели национального и государственного строительства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 183–194.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-183-194

FOR CITATION

Bakhlov I., Bakhlova O. Imperial models of the national and government construction. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no. 3, pp. 183–194.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-183-194